

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

26—29 октября 1972 г. в Скопле (Югославия) при Македонской академии наук и искусств состоялось второе заседание Международной комиссии по славянским литературным языкам (МКСЛЯ) при Международном комитете славистов. В заседании приняли участие члены комиссии и представители академических и университетских кругов Македонии. На заседании обсуждались вопросы отношения литературного языка к внелитературным образованиям; эти вопросы рассматривались в трех планах — в плане общей проблематики, с точки зрения ситуации в отдельных славянских языках и в отдельных ярусах этих языков. Во вступительном слове акад. Б. Конески (Скопье) подчеркнул актуальность поставленной на обсуждение проблематики не только для славистики, но и для общего языкознания.

Обсуждение первого круга вопросов началось докладом чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина (Москва) «Русский литературный язык и его отношения с другими разновидностями русского языка»¹.

Вл. Барнет (Прага) в докладе «Дифференциация национального языка и социальная коммуникация» предложил рассматривать положение литературного языка в общенациональном языковом целом, исходя из понятия структурной и функциональной дистанции в ее межъязыковом и внутриязыковом проявлении. Докладчик показал, что структурный и функциональный подход ведут к дифференцированному рассмотрению понятия ситуации, употребляемого в языкознании, как взаимного отношения социальной ситуации данного общества, коммуникативной ситуации (являющейся суммой социально релевантных коммуникативных ситуаций) и языковой ситуации (т. е. структурной дифференциации национального языка). Докладчик рассматривает социальную, коммуникатив-

ную и языковую ситуации как внутренне структурированные понятия; при этом данная языковая общность может характеризоваться различным иерархическим упорядочением компонентов в отдельных названных видах ситуаций, а также и различным взаимным соотношением этих компонентов. Важно исследовать не только статическое состояние дифференциации национального языка, но также и нормы речевого поведения, которые позволяют представить это состояние с точки зрения синхронного динамизма.

Новые теоретические положения содержались также в докладе Д. Брозица (Закар) «О типологии субстандартных и интердиалектных идиом в славянских языках». Докладчик не считает разговорными идиомами жаргоны, профессиональные языки и функционально-стилевые образования. При установлении формальной дифференциации национального языка различаются типы субстандарта, опирающиеся в структурном отношении на стандартный язык, и типы, основанные на интердиалекте (полудиалекте). Различное положение разговорного языка и интердиалекта в структурном пространстве между стандартным языком и территориальным диалектом докладчик объяснил особенностями диахронии складывания структуры национального языка, где различаются достандартный и постстандартный периоды. В достандартный период каждое субстандартное образование носит интердиалектный характер. В постстандартный период создаются благоприятные условия для возникновения разговорного языка, конкретные исторические признаки которого в отдельных языках определяются степенью гомогенности по отношению к соответствующему стандартному языку, характером этого стандартного языка (подверженного или не подверженного пуризму), отношением к диалектам (или интердиалектам), к разговорному стилю стандартного языка и под.

Общей проблематике связей литературного языка и внелитературных образований был посвящен и доклад А. Едлички (Прага) «Отношения устного и письменного синтаксиса». Докладчик

¹ Доклад лег в основу статьи: Ф. П. Филин, О структуре современного русского литературного языка, ВЯ, 1973, 2.

подчеркнул необходимость изучения специфики синтаксиса непринужденной речи повседневного-бытового общения. Изучение устно-разговорной речи началось с диалектов, в которых изучались прежде всего фонологические и морфологические явления, где наиболее ярко проявлялась региональная дифференциация соответствующего языка. Функциональная лингвистика обратилась к различным диалектам и литературного языка и на уровне лексики и синтаксиса. Докладчик подробно охарактеризовал различие понятий «устный» (mluvný) и «разговорный» (hovorový) язык (как функциональной разновидности стандартного языка) и подчеркнул, что противопоставление устного и письменного языка, как и различия между субстандартными формами и литературным языком, неодинаковы на уровне фонологическом и морфологическом, с одной стороны, и синтаксическом, с другой, где наряду с оппозицией «устный — письменный» действуют и ситуативные факторы (подготовленность — неподготовленность, непосредственность — опосредованность, диалогичность — монологичность). Докладчик подчеркнул далее, что в синтаксисе необходимо отличать явления системы от явлений речи. При изучении отношений между письменным и устным синтаксисом необходимо учитывать также такие попарно соотносительные явления, как литературность (стандартность) — нелитературность, письменный характер — устный характер, разговорность — книжность. С точки зрения этих взаимоотношений противопоставленных феноменов докладчик подробно осветил различия между синтаксисом диалектным, устно-разговорным и литературным.

В своем выступлении Э. Паулини (Братислава) коснулся вопроса об отношении письменной и разговорной разновидности и дополнил соображения, высказанные в докладе А. Едлички, указанием на оппозицию «наличие — отсутствие „выражения“». Затем он обратился к итогам изучения характера соблюдения литературной словацкой нормы в разных коммуникативных ситуациях разными по своей социальной и территориальной принадлежности носителями литературного словацкого языка.

По первому проблемному циклу дискуссия сосредоточилась прежде всего на вопросах вариантности литературного языка. А. Едличка показал на примерах из чешского языка, что региональный тип вариантности может влиять на оценку литературных средств с точки зрения их маркированности. Б. Корубин (Скопье) связал проблематику региональной вариантности литературного языка с его динамикой в рамках общенационального языка. Д. Брозович на примере конкуренции московской и ленинградской произносительных норм

показал, что в подобных оппозициях более спецификализованный член уступает место более линейному и парадигматизированному. Акад. Б. Гавранек (Прага) предложил различать вариантность и варибельность: первая связана с членением языка, вторая с его функционированием. З. Тополинская (Варшава) обратила внимание на то, что кодификация в области синтаксиса не означает однозначности в выборе варианта. В ответном слове Ф. П. Филин рекомендовал обратить особое внимание на изучение кодифицированных и некодифицированных региональных вариантов и в этой связи предложил различать централизованные и нецентрализованные типы литературного языка.

Тезис Ф. П. Филина о двойственном характере разговорных явлений вызвал оживленную дискуссию. Вл. Барнет предложил рассматривать эту двойственность как проявление динамики в синхронии языкового единства; А. Едличка оценил идею Ф. П. Филина как перспективную. Д. Брозович, однако, обратил внимание на трудности вычленения двух типов разговорных явлений и просторечия. Б. Гавранек связал двойственный характер просторечия с разграничением разговорного варианта литературного языка и нелитературного обиходно-повседневного языка (obecné čeština) в чешской традиции.

Большое внимание было уделено проблеме трихотомического и дихотомического членения национального языка, предложенного в докладе Вл. Барнета. Д. Брозович полагает, что дихотомическое членение, разграничивающее уровни стандартного языка и диалекта, является достаточным, поскольку другие образования связаны в структурном отношении с одним из этих двух. Б. Гавранек рекомендовал отличать теоретическое (системное) членение национального языка от его реализации отдельными говорящими. Ст. Урбанчик (Краков) предложил обратиться прежде всего к членению на общенациональный язык и территориальные диалекты, а внутри общенационального языка применять критерий письменной и устной формы. Он рекомендовал в качестве рабочего термина «этнический язык». А. Едличка согласился с реальностью дихотомического членения и в своем ответном слове наряду с вариантностью предложил учитывать также разную степень кодифицированности фонологических, морфологических и синтаксических явлений устной речи. Д. Брозович в своем ответном слове отстаивал точку зрения, согласно которой интердиалект не имеет своего собственного, специального носителя. О необходимости его использования говорящим, принадлежащим к определенному языковому коллективу, судит на основании коммуникативных ситуаций.

Второй проблемный цикл был посвящен теме отношения литературного языка и внелитературных образований в отдельных славянских языках. Ст. Урбанчик в докладе «Польский культурный диалект в его прошлом и настоящем» рассказал о характере речевой коммуникации в крупных культурных центрах — Варшаве, Кракове, Познани и др. Он показал, каким образом разные способы усвоения польского литературного языка — посредством письма или на слух — влияют на внутреннюю дифференциацию устного культурного польского языка. Докладчик подробно осветил изменения в социальной базе носителей культурного польского языка в аспекте меняющихся лингво-эстетических требований, новых технических средств (радио, телевидение) и ориентации на разные стили, например, художественный, административный или экспрессивный молодежный язык и т. п.

Р. Оти (Оксфорд) посвятил свой доклад «Людовит Гай и хорватский язык» вкладу Л. Гаия в лингвистический аспект иллирийского движения, что проявилось прежде всего в общей концепции так называемого иллирийского языка, в постулировании его диалектной базы, в понимании проблем правописания и в становлении его лексики.

В докладе Й. Вукотича (Сараево) «Отношение сербскохорватского литературного языка к его диалектной основе в современный период» получили всестороннее освещение с точки зрения общей теории литературного языка условия возникновения и развития литературных языков. Докладчик различает литературные языки, в основе которых лежит койне, литературные языки моноцентрического и полицентрического типа и тот тип литературного языка, который представляет собою модификацию заимствованного, уже сформировавшегося литературного образования. Специфику сербскохорватского литературного языка следует усматривать в том, что ему предшествовали хорошо развитые региональные письменные варианты и что в его образовании в качестве активного образующего фактора принимал участие народный язык.

Большой интерес вызвал также доклад А. И. Журавского (Минск) «Основные различия письменной и устной разновидностей современного белорусского литературного языка»².

И. Топоришич (Люблина) в докладе «Разговорный словенский язык» изложил свое понимание расчлененности словенского народного языка, характера словенского разговорного языка с точки

зрения его структурных признаков, его внутренней дифференциации, обусловленной коммуникативными ситуациями и членением социальной базы его носителей. Характеризуя устную разновидность литературного языка, докладчик различает общесловенскую разновидность разговорного языка, базирующуюся на разговорном языке Люблины, и отдельные региональные разговорные варианты, основанные на отдельных наречиях.

Г. Фаска (Будышин) в докладе «Диалектная основа верхнелужицкого литературного языка и образование так называемого обиходного сербского языка» критически проанализировал взгляды, согласно которым образование верхнелужицкого языка связано с деятельностью отдельных представителей Возрождения. Материалы, полученные в связи с работой по подготовке общеславянского атласа, показали, что наречие, окружающее Будышин, можно считать основой литературного языка лишь в узком смысле слова, поскольку современный литературный язык складывался на базе и других диалектов евангелических и отчасти католических районов. На основании новых данных докладчик показал, что литературный язык имел и имеет более широкий круг носителей, чем это до сих пор считалось. Он уделит также внимание условиям образования наддиалектной разговорной разновидности верхнелужицкого литературного языка.

В присланном на заседание докладе «Литературный и разговорный язык в Социалистической Республике Хорватии» акад. Л. Йонке (Загреб) подробно охарактеризовал специфику разговорного языка, проявляющуюся в том, что при новоштокавско-екавской основе литературного языка в языковой жизни Хорватии интенсивно проявляют себя (например, в областной письменности, в обиходном языке некоторых кругов интеллигенции) и кайкавские и чакавские диалекты. В связи с этим докладчик назвал три возможности реализации разговорного языка — 1) в штокавской области он наиболее близок литературному языку, 2) в кайкавской области он в широких слоях населения в основе своей кайкавский, в образованных же кругах имеет кайкавские элементы, 3) у представителей штокавских диалектов, живущих в кайкавских или чакавских областях, сохраняется штокавская основа, чему способствует ориентация на литературный язык. В хорватских культурных центрах реализуются либо все три возможности (Загреб, Сплит, Риека), либо две из них (Осиек и частично Дубровник). При межрегиональных контактах используется хорватский литературный язык с участием некоторых диалектных элементов.

Ценные сведения о вновь образующихся связях македонских диалектов и

² Доклад лег в основу статьи: А. И. Журавский, О некоторых различиях между письменной и разговорной формами белорусского литературного языка, ВЯ, 1973, 3.

македонского литературного языка содержались в докладе Б. Видоеского (Скопье) «Отношения диалектов и македонского литературного языка». По мысли докладчика, в периферийных культурных центрах еще достаточно отчетливо используется местный диалект, но уже с явными инновациями из литературного языка. Обнаруживается тенденция к формированию разговорного языка в рамках литературного языка. В структурном отношении этот разговорный язык, однако, проявляет значительную вариантность, а круг его носителей из числа македонской интеллигенции пока узок.

В дискуссии по этому кругу вопросов Д. Брозович полемизировал с тем, что И. Вукович толкует региональные письменные языки в нестандартный период как варианты. И. Вукович в своем ответе защищал тезис о существовании таких вариантов в нестандартный период и постулировал иерархию понятий «язык», «вариант» и «региональный тип».

В связи с докладом Й. Топоришича А. Едличка и Вл. Барнет выдвинули требование различать явления, связанные с устным произнесением, и явления, связанные с разговорностью. Й. Топоришич в ответном слове защищал разговорный (не диалектный) статус словенских региональных разговорных языков.

И. Погорелец (Люблина) дополнила сказанное Ст. Урбанчиком о культурном диалекте параллелями из фактов развития словенского языка нестандартного периода.

Мысли Л. Матейки (Мичиган) послужили началом дискуссии по вопросам просодики в современном сербскохорватском языке, особенно в отношении соблюдения кодифицированной просодической нормы образованными слоями городского населения. Б. Гавранек в дополнение к его сообщению обратил внимание на функционирование просодической системы в языке Белграда. И. Вукович связал факты нарушения нормы ударения с морфологизацией количественных отношений.

И. Ф. П. Филин, и Б. Гавранек подчеркнули необходимость учитывать специфику ситуации в каждом славянском языке; наряду с внутриязыковыми факторами, здесь действуют и факторы внешнего характера — такие, как развитие литературного языка из одного или нескольких центров, разная степень участия, например, классицизма в стабилизации отдельных славянских литературных языков, экстралингвистическая обусловленность противоположных тенденций в их функционировании и т. д.

При освещении третьего круга проблем, посвященного конкуренции

литературных и нелитературных явлений на отдельных уровнях славянских литературных языков, Г. Хюттль-Ворт (Вена) в докладе «К проблеме литературного и разговорного словообразования в современном русском языке» рассмотрела в историческом плане словообразование некоторых типов отвлеченных существительных (главным образом на *-ние*, *-тие*) с точки зрения деривационных моделей, статистических характеристик и дистрибуции в их функциональном размежевании в современном русском языке. Докладчица на основе анализа обширного материала показала, что усвоение церковнославянского по происхождению словообразовательного типа зависело от ряда обстоятельств, например, от наличия (или отсутствия) церковнославянской или соответствующей русской производной основы (например, основы *трат-/торот-*), от тенденции к экономии, проявляющейся, например, в сложных словах в выборе наиболее краткого варианта, и т. д.

Л. Андрейчин (София) в докладе «Некоторые явления болгарского разговорного языка» обратился к общим критериям расчленения современного разговорного болгарского языка и на ряде примеров показал тенденцию, формирующую его специфические черты сравнительно с собственно литературным языком. Разговорный болгарский язык складывался в тесной близости с письменной формой, и это обстоятельство обусловило сравнительно легкое двустороннее взаимовлияние обеих разновидностей.

Акад. Б. Конески (Скопье) в докладе «Лексемы в блокированной позиции» на материале устного и письменного македонского языка предложил теорию конкуренции словарных единиц с учетом их синонимичности в лексическом плане и расчлененности языковой общности на функциональные разновидности. Он ввел понятие блокированной позиции в значении того участка, на котором в определенном лексическом поле происходит конкуренция лексических единиц, и на большом материале показал отдельные типы такой конкуренции.

А. Младенович (Нови Сад) в докладе «Об изменениях групп гласных *-ao*, *-eo* > *-o* в разговорной разновидности современного сербскохорватского литературного языка» подробно изложил современное состояние изменения этих групп гласных в именах (например, *posao* > *poso*), глаголах (например, *grizao* > *grizo*; *uzeo* > *uzo*), что характерно для разговорного языка образованных кругов и известно в ряде штокавских диалектов. Он обратил внимание на морфологические факторы, которые поддерживают, замедляют или исключают эти изменения.

Д. Буттлер (Варшава) в докладе «Дискуссионные вопросы описания поль-

ских социальных диалектов» обратилась к терминологической и методологической проблематике социальной диалектологии и критериям классификации социальных диалектов. Принимая во внимание тот факт, что социальная дифференциация языка проявляется прежде всего в словарном составе, докладчица предложила в основу системного описания специфического словарного состава по признаку его социальной принадлежности положить различие (на оси социальной дифференциации) иерархических отношений понятий «диалект», «вариант» («говор»), «специфический» (например, групповой или профессиональный) словарный слой. Вариант (говор) отличается от словарного слоя наличием специфического лексического внутреннего организованного комплекса. Критериями выделения определенного варианта являются густота определенной сети денотатов, количественные и социальные характеристики.

По третьему кругу вопросов развернулась дискуссия, затрагивающая разнообразную проблематику. В. Хелару (Бухарест) в своем выступлении затронул наиболее общие вопросы и предложил обратить внимание на зависимость оппозиции «чужой язык : родной язык» от оппозиции «письменная форма : устная форма» в развитии румынского и некоторых славянских языков.

Ф. П. Филин дополнил доклад Г. Хюттль-Ворт указанием на широкое бытование словообразовательного типа на -ие в русских народных говорах; это явление, по его мнению, нуждается в изучении с точки зрения общеславянской перспективы. Г. Хюттль-Ворт, отстаивая свою точку зрения, привела факты формального и семантического размежевания этого словообразовательного типа в русских народных говорах и литературном языке.

Наибольшее внимание привлек вопрос о маскулинизации названий женских профессий, на что было обращено внимание в докладе Л. Андрейчина. В этой связи А. Едличка говорил о том, что при общих инновационных тенденциях сопоставительное изучение может выявить определенные различия и предложил принять во внимание разные реализации в пределах расслоения одного языка (ср. чеш. разг. *doktorka* наряду с *doktor* в медицинском сленге). Д. Брозович предложил обратиться к словообразовательным, семантическим, ситуативным и стилевым факторам, которые могут влиять на выбор названия мужского или женского рода. Ст. Урбанчик на польских примерах показал, что к маскулинизации тяготеют названия тех женских профессий, которые в общест-

венном сознании оцениваются более высоко. Б. Гавранек говорил о том, что маскулинизация названий женских профессий в славянских языках служит примером незавершенного процесса (ср. чеш. *doktor/doktorka*, но *chirurg, stomatolog* и т. п.).

Живой отклик вызвал и доклад А. Младеновича. Д. Брозович рассматривает стяжение -ao, eo > -o как явление субстандарта, которое определенным образом связано с подобными явлениями в языке поэзии, имеющими, однако, иное объяснение. Ст. Урбанчик привел польскую параллель — повседневно-разговорное произношение форм прошедшего времени *czytała*, > *czytała* > *czyła* с ударением на последнем слоге. Б. Гавранек обратил внимание на подобное же явление в чешском (например, *ved* вместо *vedl*), которое трудно расценить однозначно как фонетическое или морфологическое. Б. Видоески привел параллели из македонских диалектов и обосновал общий характер этого явления. А. Младенович в ответном слове высказал сомнение в возможности непосредственного соотнесения стяжения приведенного типа с подобными явлениями в языке поэзии и, сославшись на сосуществование в сербском стандартном употреблении глаголов на -ovati, -irati, -isati, оценил формы типа *mobiliso* как факт речи менее образованных слоев.

В организационной части заседания комиссия обсудила проект задач будущих исследований, объединенных темой «Лингвистическая характеристика современного состояния славянских литературных языков», предварительный вариант которого подготовили члены комиссии из Чехословакии (текст проекта см. ниже). В связи с тем, что по проекту были высказаны замечания общего и частного характера, касающиеся прежде всего понимания метода предполагаемого комплексного исследования (Ф. П. Филин, Ст. Урбанчик, Б. Видоески, Г. Хюттль-Ворт, Р. Оти, Д. Брозович и Л. Андрейчин), было решено обсудить проект в национальных комиссиях по славянским литературным языкам и вернуться к нему на третьем заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам, которое состоится в 1973 г. в Праге.

После заключительного слова председателя комиссии А. Едлички заседание комиссии от имени Македонской академии наук и искусств закрыл акад. Х. Поленакевич.

Вл. Барнет, А. Едличка (Прага)
Перевела с чешского О. А. Лаптева

Проект

Лингвистическая характеристика современного состояния славянских литературных языков

1. Обоснование

1.1. Повышающаяся роль литературных формаций в совокупности коммуникативных актов — письменных и устных — в жизни языковой общности требует внимания лингвистической теории к этой области языковедческого исследования. Общая теория литературного языка стабилизируется как особая лингвистическая дисциплина.

1.2. Специфику литературной формации можно исследовать как с учетом всей совокупности коммуникативных формаций и их вариантов, используемых в рамках того же национального языка, так и в сопоставлении с литературной формацией других языков.

1.3. Литературные формации можно исследовать в плане диахроническом и синхроническом. Предлагаемая характеристика ориентируется на синхронное изучение современного состояния литературных формаций (т. е. с 50-х годов нашего столетия).

1.4. Современное состояние разработки теории литературного языка в рамках славянского языкознания в сравнении с лингвистическим исследованием о литературном языке в других языковых группах создает благоприятные условия для дальнейших исследований в этой области. В целях его развития и для достижения положительных результатов необходимо добиваться координации работы в этой области исследования.

1.5. Отдельные славянские литературные языки, которые возникали в разные периоды и в разных ареалах, в различных языковых, коммуникативных и общественных условиях и в результате этого создали широкий диапазон специфических особенностей, отражающихся в их современных структурах и функционировании, представляют собой широкое поле для сопоставительного и типологического исследования и исследования общетеоретического характера. Однако до сих пор описание славянских литературных языков велось неравномерно и на базе различных методологических приемов.

1.6. Предлагаемый проект «Лингвистическая характеристика современного состояния славянских литературных языков» ставит перед собой цель:

1.6.1. Способствовать более полному и систематическому познанию современных литературных славянских языков, используя уже имеющиеся результаты по общей теории литературного языка.

1.6.2. Создать постепенной разработкой методологической базы предпосылки

для синхронического сопоставительного и типологического изучения славянских литературных языков.

1.6.3. В рамках славистики способствовать систематизации результатов исследований в этой области и более глубокой разработке общей теории литературного языка.

2. Проект программы «Лингвистическая характеристика современного состояния славянских литературных языков».

2.1. Характеристика современной языковой ситуации в отдельных славянских языковых общностях с точки зрения социальной стратификации и территориальной дифференциации. Структурные формы и разновидности, используемые каждой языковой общностью, их современное функционирование в отдельных коммуникативных сферах, сосуществование и интерференция. Полицентризм и моноцентризм современных славянских литературных языков.

2.2. Характеристика отдельных современных славянских литературных языков с функциональной и структурной точек зрения, объем отдельных литературных языков с точки зрения письменной и разговорной формы. Характеристика полифункциональности литературного языка и степень развития отдельных коммуникативных сфер соответствующих функциональных стилей. Специфика стилевой дифференциации отдельных славянских литературных языков.

2.3. Функционирование литературного языка в повседневной жизни его носителей.

2.4. Характеристика структурной дистанции между отдельными формациями национального языка, степень, способ и средства их структурной дифференциации. Литературные формации изолированные или, наоборот, экспансивные в рамках данной языковой общности; существование билингвизма, его масштаб, степень его интенсивности.

2.5. Характеристика норм отдельных славянских литературных языков:

2.5.1. В отношении к кодификации и функции кодификации, с точки зрения взаимодействия нормы и кодификации.

2.5.2. С точки зрения определяющих черт — степени единства, прочности и обязательности нормы и гибкой стабильности по отношению к отдельным коммуникативным ситуациям.

2.5.3. Проявление дифференциации в литературной норме, ее вариантность с точки зрения эволюционной, региональной и социальной.

2.5.4. Принятие и оценка литературной нормы со стороны участников коммуникативных актов.

2.6. Характеристика отдельных уровней языковой системы славянских литературных языков (фонетико-фонологического, морфологического, синтаксического, лексико-семантического) с точки

зрения синхронической стабильности и динамики.

2.6.1. Характеристика инвентаря средств литературного языка по отношению к средствам разговорного языка.

2.6.2. Роль рациональных, эмоциональных и эмотивных (побудительных) средств в структуре литературных высказываний с учетом их функциональной дифференциации.

2.6.3. Роль интеллектуализации, автоматизации и актуализации в способе использования литературных и нелитературных средств языка в организации функциональных стилей отдельных славянских литературных языков.

3. На последующем этапе работы над проектом будут разработаны более подробные тезисы; они будут представлены на широкое обсуждение.

Проект представили акад. *Б. Гавранек*, проф. *А. Едличка*, проф. *Э. Паулини* и проф. *Вл. Барнет*.

*

С 25 по 27 октября 1972 г. в Вильнюсе проходила четвертая конференция по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтийских советских республиках. В работе конференции приняли участие представители вузов Прибалтийских республик, сотрудники АН ЛитССР, АН СССР, АН БССР, АН УССР, а также работники вузов Пскова, Саратова, Гомеля. В конференции принимали участие представители Ягеллонского университета (Польша).

На конференции было прочитано 25 докладов и сообщений по вопросам русских и других славянских говоров Прибалтики и пограничных территорий (Белоруссия, Псковская область), их взаимодействия с окружающими неславянскими языками (говорами), по теоретическим вопросам диалектологии и языковых контактов как на современном диалектном материале, так и на материале местных памятников письменности.

Теоретическим вопросом языковых контактов на диалектном уровне был посвящен доклад *Л. И. Баранниковой* (Саратов) «О соотношении внутренних и внешних факторов в развитии диалектных систем». Своеобразие этих контактов связано с подчиненным положением диалектных систем и с разными конкретно-историческими условиями их функционирования.

В докладе *Т. С. Коготковой* (Москва) «Семантические сдвиги в пред-

метной лексике в условиях диалектно-литературных контактов» рассматривались явления десемантизации, перенормализации реаллий, появления дублетности в связи с вхождением новых наименований и др.

В ряде докладов говорилось о взаимодействии русских и других славянских говоров с окружающими языками (говорами). В докладе *М. Ф. Семеновой* (Рига) «Об одной лексической изоглоссе русских старожильческих говоров Прибалтики» рассматривалась изоглосса *дэрван*, охватывающая русские говоры Латвии и Литвы, а также белорусский и польский языки и составляющая сплошной ареал с балтийскими языками. В докладе *М. Сивецкене* (Вильнюс) «Грамматическое оформление лексических литуанизмов в русских говорах Литвы» основное внимание было уделено родовой характеристике литуанизмов — существительных в связи с различиями в составе родовых систем литовского и русского языков и формальных показателей муж. и жен. рода. В докладе *А. Рекена* (Лиепая) «Название жилого дома и его внутренних помещений в южнолатгальских говорах и их соответствие в славянских языках» и в докладе *Е. Гринявецкене* (Вильнюс) «Влияние белорусской грамматической системы на лазунский говор литовского языка» были рассмотрены некоторые результаты проникновения славянизмов в систему одного латышского и одного литовского говора.

Несколько докладов было посвящено литуанизмам за пределами территории Литвы. *А. П. Непокупный* (Киев) в докладе «„Доостровные“ литуанизмы в островных русских говорах Литвы» указал на возможность бытования некоторых литуанизмов в псковских и других говорах до миграции их носителей на территорию Литвы. Отделить такие литуанизмы можно, только опираясь на данные русских континентальных говоров. О литовских элементах в говорах белорусского языка говорилось в объединенном докладе *Е. Гринявецкене* (Вильнюс), *Ю. Ф. Мацкевич*, *А. В. Орешонковой*, *Е. М. Романович*, *Е. И. Чеберук*, *Л. Ф. Шаталовой* (Минск). Восточнославянские элементы в польских говорах Латвийской ССР, возникших в результате полонизации местного населения, были показаны в докладе *Ю. Паршута* (Рига). О «мене начальных *е—у* в псковских говорах» говорилось в докладе *З. В. Жуковской* (Псков). Сложным явлениям взаимодействия говоров был посвящен доклад *Х. Хейтер* (Тарту) «О развитии типов безударного вокализма в русских говорах северного Причудья ЭстССР».

И. М. Акулов (Гомель) в докладе «Особенности употребления германизмов

в белорусских говорах» рассмотрел их характер и локализацию. Н. Д. Боголюбова (Рига) высказала идею о возможности составления этимологического словаря на материале русских старожильческих говоров Прибалтики.

Два доклада были посвящены вопросам словообразования существительных русских говоров Латвии и Литвы. А. И. Синица (Даугавпилс) в докладе «Употребление слов с суффиксом *-ин-а* в русских старожильческих говорах ЛатССР» рассмотрела многочисленные образования с суффиксом *-ин-а* в этих говорах, характеризуя семантику и продуктивность моделей. Целью доклада Н. Т. Алексеевой (Каунас) «О некоторых словообразовательных моделях в русских говорах Литвы» было проанализировать словообразовательные модели тематических групп существительных со значением названия поля после уборки урожая, соломы и стеблей растений в русских говорах ЛитССР.

В докладе С. М. Глускиной (Псков) «Изменения в наборе приставок, вызванные фонетическими процессами» на материале псковских говоров было показано, что результатом этих изменений являются морфонологические сдвиги.

В ряде докладов освещались проблемы диалектного синтаксиса. Е. В. Немченко (Москва) и И. Б. Кузьмина (Москва) сделали два доклада на тему «К вопросу о проницаемости синтаксической системы говора (при возможности иноязычного влияния)», в каждом из которых рассматривался самостоятельный круг вопросов. Центральное место в докладе Е. В. Немченко занимал анализ отдельных синтаксических явлений русского говора поселка Мехикоорма ЭстССР, жители которого двуязычны. Некоторые явления в структуре синтаксиса говора, по мнению докладчика, можно связать с влиянием эстонского языка, которое выражается преимущественно в калькировании. В докладе И. Б. Кузьминой ставился вопрос о возможности влияния факта билингвизма на функционирование синтаксических единиц (а не только на их форму). Изучение функционирования предикативных причастий на *-ши* в поселке Мехикоорма показало своеобразие этого явления по сравнению с русскими северо-западными говорами.

«Употребление *есть* в русских говорах в качестве предиката и составной части

предиката» было рассмотрено в докладе В. И. Дементьевой (Москва). Автор связывает особенности функционирования *есть* в северо-западных русских говорах с воздействием прибалтийских и финских языков. Доклад О. Шулене (Вильнюс) «О временных придаточных предложениях русских говоров Литвы» содержал анализ этих предложений со стороны структуры и семантики. Основной задачей при этом было выявление общности и различий диалектов и разговорной формы литературного языка.

Вопросы языковых контактов на конференции рассматривались также на материале местных исторических памятников письменности. А. К. Антонович (Вильнюс) в докладе «Отражение явлений белорусско-литовских языковых контактов в старобелорусской деловой письменности Литвы» показал наличие фонетических, морфологических и лексических литуанизмов в деловых памятниках старобелорусского языка Великого княжества Литовского.

В докладе Е. З. Марченко (Вильнюс) «О лексико-семантических связях русских старожильческих говоров Литвы с белорусскими и польскими языками» путем сравнения с русским литературным языком и говорами, со славянскими языками и данными старобелорусских письменных памятников XV—XVI вв. выявлялась специфическая лексика, характерная для русских старожильческих говоров Литвы. В докладе А. Н. Булыко (Минск) «Диалектные литуанизмы в памятниках старобелорусской письменности» было показано, что особенно большое количество литуанизмов встречается в деловых книгах и документах, написанных на территории Литвы. В докладе П. В. Верховова (Минск) «Некоторые вопросы взаимодействия литературного и диалектного суффиксального образования существительных белорусского языка (на материале письменных памятников XV—XVII вв.)» были показаны сложные процессы взаимодействия разных словообразовательных моделей.

Участники конференции с большим интересом прослушали сообщение В. Витковского (Польша) о развитии русистики в Ягеллонском университете.

М. Сидицкене, О. Шулене (Вильнюс)

CONTENTS

Articles: V. Z. Panfilov (Moscow). Nivkh-Altaic linguistic relations; **Discussions:** N. A. Sliusareva (Moscow). Problems of linguistic semantics; V. M. Zivov, B. A. Uspenskij (Moscow). The centre and periphery of language in the light of linguistic universals; R. G. Piotrovskij (Leningrad). Linguistic estimates of differences in closely related languages; S. N. Syrovatkin (Magnitogorsk). The meaning of utterances and functions of language in the light of semiotics; D. I. Arbatskij (Iževsk). On the specific character of semantic definition and its functional types; **Materials and notes:** O. A. Lapteva (Moscow). The study of homofunctional series as a systematic principle for the research of Russian uncoded colloquial syntax; N. G. Blandova (Moscow). On historical-philological bases in the study of fiction; E. A. Konius (Moscow). On the sequence of tenses in English; O. N. Seliverstova (Moscow). Semantic analysis of predicative possessive constructions with the verb «to be»; **From the history of linguistics:** P. G. Bogatyrev. The language of folklore. **Reviews; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: V. Z. Panfilov (Moscou). Rapports linguistiques nivkh-altaïques; **Discussions:** N. A. Sliusareva (Moscou). Problèmes de sémantique linguistique; V. M. Zivov, B. A. Uspenskij (Moscou). Centre et périphérie de la langue sous la lumière des universaux linguistiques; R. G. Piotrovskij (Léningrad). Évaluation linguistique des différences entre les langues-soeurs; S. N. Syrovatkin (Magnitogorsk). La signification des énonciations et fonctions de la langue au point de vue sémiotique; D. I. Arbatskij (Iževsk). Caractère spécifique de la définition sémantique et ses types fonctionnels; **Matériaux et notices:** O. A. Lapteva (Moscou). L'étude des séries homofonctionnelles comme principe systématique pour l'investigation de la syntaxe non-codifiée de la langue parlée russe; N. G. Blandova (Moscou). Les bases historico-philologiques pour l'étude des belles-lettres; E. A. Konius (Moscou). La concordance des temps en anglais; O. N. Seliverstova (Moscou). Analyse sémantique des constructions prédictives possessives avec le verbe «être»; **De l'histoire de la linguistique:** P. G. Bogatyrev. La langue du folklore. **Comptes-rendus; Vie scientifique.**

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

В целях обеспечения своевременной доставки нашего журнала, каждому подписчику присвоен постоянный цифровой код, который будет сообщен Вам Центральным подписным агентством «Союзпечать».

При возобновлении подписки на 1974 и последующие годы цифровой код следует проставлять на нижней строке абонента, справа от фамилии, инициалов (наименования организации, выписывающей данное издание).

Технический редактор *Т. И. Шеленкова*

Сдано в набор 28/VI—1973 г.	Т-11768.	Подписано к печати 4/IX 1973 г.	Тираж 6940 экз.
Зак. 2568	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 14,0	Бум. л. 5
			Уч.-изд. л. 16,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10